

Высказывания Галинковского о Тредиаковском связаны с актуальной в ту пору проблемой реформы ломоносовской системы стиха. Необходимо отметить, что, хотя тяготение к белому стиху, к отходу от ломоносовских ямбических размеров и стилистических средств может быть отмечено и у Карамзина, и у Радищева, смысл экспериментов того и другого был диаметрально противоположен.

Карамзинское представление о поэте как «искусном лжеце», а о поэзии — как мастерстве «вымышлять приятно», средстве «позабиться в чародействе красных вымыслов», снимало вопрос об отражении в искусстве объективной истины, отменяло правдивость как критерий художественности. Вместо нее выдвигалось требование изящества.

Принципиально иным было отношение Радищева. Считая, что пером писателя «руководствует» истина, Радищев видел главное поэтическое достоинство в содержательности поэзии. Этому призван был служить выдвинутый им критерий прозаического пересказа. Проповедь белого стиха, отрицательное отношение к рифме были частью попытки сблизить поэзию с жизненной правдой, выработать гибкие ритмические средства, позволяющие охватить в поэтическом произведении самый широкий круг явлений действительности. Идеи Радищева известны были современникам.

Трудно судить о степени знакомства Галинковского с произведениями Радищева, однако еще труднее отказаться от этой мысли, встречая в труде молодого и еще малосамостоятельного автора такую сравнительную характеристику Тредиаковского и Ломоносова: «Почтенный наш Тредиаковский перевел ее (историю Роллена, — Ю. Л.) два раза своим трудолюбием; но потомство худо заплатило ему за такое неусыпное, образцовое прилежание. Одна „Тилемахида“ заглушила все его достоинства: мы забыли, что он сам был ученик Роллена, первый профессор нашего красноречия, первый знаток древних авторов, человек необыкновенного, глубокого знания в науках, человек, который едва ли являлся с тех пор с таким обширным учением, — забыли мы, что он один написал более полезных книг, нежели десять современников, и обесславили память его за одну смелую идею ввести в российский язык *стопосложение греческое*. В то самое время вводил Ломоносов *германские стопы* и рифмы, которые нисколько не превосходнее сами по себе и имели только предстателем великое лично-особенное дарование. Ему надобно было идти против воды: он упал под бременем сего великого предприятия; силы языка были еще слабы, необразованны в толь ранние годы нашей словесности. Соперник его был